

Г. Вишневская: «Я - за домострой!»

В канун юбилея неугомонная оперная примадонна провела конкурс молодых талантов, раскритиковала Большой театр, а также дебютировала в кино.

«ПРОЧЛА сценарий и... ужаснулась: я должна была играть бабушку и появиться на экране без всякого грима! Я попыталась отказать, но режиссёр Александр Сокуров просто сказал: «Голубушка! Мы должны это сделать для России!» И я рискнула», - призналась Галина Вишневская в дружеской беседе за чашкой чая в гостях у главного редактора «Аргументов и фактов» Николая ЗЯТЬКОВА.

«Вишня, bravo!»

- ГАЛИНА Павловна, своё 80-летие вы собирались отметить в Большом театре, на сцене которого блистали не один десяток лет. Но за полтора месяца до торжеств изменили решение. Чем вас обидел главный театр страны? Новым вариантом оперы «Евгений Онегин»?

- Большой есть Большой. Для страны он был и остаётся национальной гордостью. Это богатство наше. Поэтому на подобные постановки реагируешь в десять раз острее, чем если бы это происходило в другом месте. Слово нож в сердце вонзили! Ужасно обидно!

- Но, возможно, у руководителей Большого своя правда есть? Они считают необходимым, чтобы в театр приходили молодые режиссёры, дирижёры.

- Своя правда у них, безусловно, есть. Но самая главная правда заключается в том, что это - государственный театр, который содержится на деньги народа. Именно из-за того, что культуру нашу финансирует государство, я получаю пенсию в 3 тыс. рублей. Другие - и того меньше. Но мы содержим этот театр! Весь народ, на свои гроши. А получается, что его ещё и духовно обворовывают при этом, если случайный человек приходит сюда и делает всё, что ему хочется! С какой стати?! Как можно «Онегина» поставить без сцены дуэли? А про что тогда ставить-то вообще? Бал у Лариных превращается в банальную пьянку. В сцене ссоры Ленского и Онегина хор и мужики ржут, как жеребцы, так, что оркестра не слышно. Ленский поёт арию «Куда, куда вы удалились...», а в это время бабы какие-то полы шваброй чистят. Это же унижение для артиста - петь в таком состоянии! Хотя голоса у певцов хорошие. Но если бы для них создать нормальные условия, было бы в несколько раз лучше. В каждом народе есть выродки, способные смеяться над трагедией. Но Пушкин роман, а Чайковский оперу писали не для них.

В таких случаях - говорю совершенно искренне - я за цензуру.

- Вы завершили карьеру певицы, находясь на пике славы, хотя могли бы ещё петь и петь, ездить с турами по ми-

1964 год

ру, как делают сегодня многие звёзды.

- Всему своё время. Я ушла со сцены в 66 лет. Почти 50 из них я пела. Сколько же можно? В какой-то момент почувствовала, что уже не так счастлива на сцене, как бывало. Выступления из удовольствия стали превращаться в обязаловку: «Зачем я подписала этот контракт?» Когда это чувство стало доминировать, я ушла со сцены. Совершенно спокойно. Просто закрыла последнюю страницу одной книги и начала другую.

- Ну, а одна-то для своего удовольствия поёте?

- Никогда! Потому что мне всегда нужна была публика, чтобы я захотела петь. Знаете, как Чайковский объяснял, чем любитель отличается от профессионального певца? Любителю не нужна публика, он поёт для себя. А артист загорается только перед залом.

И пожар этот творческий не так легко потушить. После спектакля ходишь, как заведённый. Кто-то из артистов есть начинает, а я позволяла себе бокал шампанского и сигарету.

- Певица? Сигарету?!

- Вы не представляете, какое это состояние. Кажется, будто у тебя всё высохло внутри - ты отдала всё, до дна. Я выходила из театра и делала глоток свежего ночного воздуха. Поклонники провожали меня домой. Дома все спят, а я надевала халат, доставала шампанское из холодильника, садилась, наливала себе бокал. Поднимала тост: «Вишня, bravo!» Выпивала и закуривала сигарету. И полночи ходила по квартире, чтобы уgomонить-ся.

Из дома я сбежала

- ВЫ С МСТИСЛАВОМ Ростроповичем в прошлом году отметили золотую свадьбу. 50 лет назад, когда вы познакомились, все мужчины Советского Союза лежали у ваших ног. А вы тем не менее выбрали Ростроповича. Как вы смогли разглядеть в нём такой талантище?

- Вот рассмотрела. Причём увидела сразу, потому что уже через четыре дня была его женой.

- Ну какой же вы пример подаёте молодёжи, которую мы обвиняем в скороспелых браках!

- Ужасный (смеётся)! И случилось это всё за границей. Меня тогда впервые выпустили на фестиваль «Пражская весна». В Министерстве культуры был такой Бони, который утверждал список артистов. Я к тому времени уже 3 года пела в Большом театре, меня таскали по правительственным концертам. А тут засомневались: молодая, откуда ещё не выезжала, потянет ли она на «Пражскую весну»? И вдруг Бони говорит: «Не знаю, потянет ли она на «Весну», но весной на

Вишневскую тянет». После чего меня утвердили. А после нашей свадьбы Слава послал ему бутылку вишнёвки и написал: «Если б не было Бони, не женились бы они».

Так что в Праге я пала - стала женой Ростроповича, будучи замужней 29-летней женщиной.

- Это на вас так граница повлияла или его обаяние?

- Его обаяние, конечно. Он кинулся меня завоевывать. В ход шло всё, что только можно, - до последней копейки своих суточных он бросил мне под ноги. В буквальном смысле слова.

В один из дней мы пошли гулять в сад в верхней Праге. И вдруг - высокая стена. Ростропович говорит: «Давайте перелезем через забор». Я в ответ: «Вы что, с ума сошли? Я, примадонна Большого театра, через забор?» А он - мне: «Я сейчас вас посажу, потом перепрыгну и вас там поймаю». Рос-

Слава бросил мне под ноги всё - до последней копейки своих суточных.

тропович меня подсадил, перемахнул через стену и кричит: «Давайте сюда!» - «Посмотрите, какие лужи тут! Дождь же только что прошёл!» Тогда он снимает с себя светлый плащ и бросает на землю. И я по этому плащу прошлась. Вы говорите, как рассматрела? Разве такие вещи можно не увидеть?

- Но в советские времена к разводам относились негативно, разведённых даже в загранкомандировки не пускали. И ваша карьера могла бы испортиться с самого начала.

- А нам было абсолютно всё равно - и мне, и ему. Я, правда, Славу предупредила, что не могу выйти за него замуж, - у меня отец сидит по 58-й статье как враг народа. Я же скрыла это, поступая в Большой театр, иначе меня туда просто бы не взяли. Пришлось врать, сказала, что он пропал без вести в войну. Слава говорит: «Это же на карьере отразится!» А он только рукой машет: «Да хоть бы ты от обезьяны происходила, какая мне разница! Немедленно чтобы была у меня!» Вот я и сбежала из дома!

Народ готов слушать

- КТО у вас в семье лидер?

- Я домострой люблю. Мужчина - это мужчина. Хозяин. Со всей ответственностью перед нами, женщинами. Я хочу быть слабой. Нечего мне коня на скаку останавливать и в горящую избу входить. А муж должен за мной ухаживать, оберегать меня и семью. Благо, у нас одни женщины в доме были - я, две дочки, домработница, Славина сестра, мать. Бабу царство! И он один у нас. Главный. Нам другого ничего не нужно. Никогда без него никаких решений серьёзных не принимаю - и я, и дочери обязательно с ним советуемся.

- Вы были соседями по даче с Шостаковичем. Рассказывают, что, когда у вас жил Солженицын, Шостакович даже к забору не хотел подходить. Говорил: «Ростропович молодой, его дальше Франции не сошлют. А я уже столько настрадался, я боюсь». Ростропович действительно такой бесстрашный?

- Александра Исаевича мы к себе позвали не потому, что хотели насолить режиму, а потому, что ему негде было жить. Нормальный человеческий поступок. К тому же в начале-то он даже был в фаворе: «Один день Ивана Денисовича» выдвигали на Ленинскую премию. Вся свистопляска началась, когда он уже у нас поселился. Мы говорим: «Почему мы должны его отселить? Пусть живёт, сколько хочет, - ему всё равно идти некуда». Вот и прожил он у нас почти 5 лет.

- Вы сейчас встречаетесь с ним?

- Очень редко. Он живёт затворником. Александр Исаевич вообще не из тех людей, с которыми можно запросто болтать. Пока он жил у нас на даче, в маленьком домике в глубине участка, я месяцами его не видела. Утром просыпаюсь и смотрю - он вдоль забора ходит, ходит, потом кидается к столу в углу сада, что-то пишет и снова ходит.

- Как вы думаете, почему он стал затворником?

- Когда он вернулся в Россию? Мне кажется, он просто не рассчитал, не ожидал, что русский народ ТАК будет распорядиться свободой. Он оказался не готов к этой вседозволенности.

Боюсь сказать, что он разочаровался. Но что-то подобное с ним произошло. Хотя в наше время такие люди, как Александр Исаевич, должны говорить с народом. И народ их хочет слушать, готов слушать и способен воспринимать серьёзные мысли. Поэтому очень жаль, что он так подолгу молчит.

Фото Сергея ИВАНОВА, РИА Новости